

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Фундаментальная библиография исихазма

«Великая подвижническая традиция священнобезмолвия и умного делания хранилась и приумножалась веками, на всем протяжении истории Православия, от древних отцов-пустынников до иноков наших дней. Она всегда высоко почиталась на Руси, ее выдающимися представителями были преподобные Сергей Радонежский, Нил Сорский, Паисий Величковский, Серафим Саровский, святители Игнатий Брянчанинов и Феофан Затворник, вне этой традиции нельзя понять творчество преподобного Андрея Рублева. Печать этой традиции воспринял сам духовный строй русского человека» (Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II).

Неудивительно поэтому, что идея полного, по возможности, библиографического описания литературы Традиции (этим словом с прописной буквы мы будем далее кратко обозначать «исихастскую традицию») впервые возникла в России и получила благословение Его Святейшества. Однако сам библиографический проект стал подлинно соборным делом, поскольку в нем участвовали ученые большинства православных стран. Ведь литература Традиции за долгие века своего существования создавалась на языках практически всех исповедующих православие народов, а исследования, посвященные исихастскому опыту, велись и ведутся во всем христианском мире. Необходимость систематизации всего многообразия этой литературы очевидна. И тем большего одобрения заслуживает семилетняя работа, что она завершилась выходом в свет уникальной библиографии по аскетико-мистической литературе Православия (10406 названий книг на 20-ти языках, 103 страницы именного указателя)¹. Реализация этого поистине всеправославного проекта наглядно продемонстрировала, что подлинная духовная Традиция и ныне продолжает служить единству всего православного мира.

Долгое время исихазм рассматривался у нас и на Западе как маргинальное явление. Но проделанная в последние десятилетия исследовательская работа привела к пониманию того, что православная мысль и духовная практика по существу неотделимы от исихастского подвижничества. Вместе с тем нельзя говорить, что исихазм подменяет собой патристику. Так, раздел 4-й рассматриваемой книги («исихазм до исихазма») демонстрирует подлинное двуединство патристики и аскетики, показывает, что святоотеческое предание – не набор отвлеченных теологических текстов, но опытное знание о пребывании в общении со Христом. Данная библиография на примере огромного объема аскетической литературы, созданной за длительный период существования Традиции,

¹ Исихазм: аннотированная библиография / Под общ. ред. С. С. Хоружего. М.: Изд. Совет РПЦ, 2004. 912 с. Редактору принадлежат также предисл. и разд. 1, 2, 9,10.

убедительно показывает, «что именно исихастское подвижничество есть истинное ядро и стержень православной духовности»².

Можно с уверенностью предположить, что данная библиография станет тем фундаментом, на котором будут разворачиваться дальнейшие исследования в этой области. Более того, помимо сферы чисто богословской, она обретет значение важного справочного издания и в общенаучных антропологических исследованиях. В контексте интереса современной мысли к восточным (в основном тантрическим и дзэн-буддийским) практикам и аскетизму в целом, исихастская библиография становится опорой для введения православной аскетики в поле зрения современной науки. Представляемая Традиция открывает новый горизонт для видения разновекторного развития человека и возможность преодоления той антропологической катастрофы, угрозы которой реальны в том числе и по причине поверхностных представлений о человеке. Здесь необходимо сослаться на работу С. С. Хоружего³, которая открывает серьезные перспективы не только для включения исихастской антропологии в современную мысль, но и для наполнения ее новым содержанием.

Безусловно, библиография не могла бы стать столь значимой без целевой установки, суть которой состоит в том, чтобы представить «живой образ Традиции как исторического, духовного, антропологического явления»⁴. Именно данная установка определила построение всего корпуса аскетической литературы. Исходя из того, что Традиция – не институт, а собор аскетов-исихастов всех времен, основной массив литературы расположен по персоналиям подвижников.

Весь представленный материал делится на три части: вводную (1 и 2 разделы), центральную (с 3 по 8 разделы) и завершающую (с 9 по 14 разделы). Такое структурирование книги позволяет адекватно отразить как крупнейшие исторические этапы формирования Традиции (центральная часть), так и особенности ее развития в Поместных Православных Церквах (часть завершающая).

Вводная часть содержит литературу по общим вопросам восточно-христианской аскезы (раздел 1, 639 наименований) и задает контекст целостного восприятия исихастского опыта, как единства индивидуальной и соборной стратегий реализации человека в Боге. Поскольку ядро исихазма как духовной практики составляет определенная школа молитвенного опыта (дисциплина непрерывного творения молитвы Иисусовой), постольку литература, созданная в связи с этой школой, рассматривается отдельно (раздел 2, 220 наименований). Ценность этого раздела в том, что он не ограничивается библиографией, посвященной только Иисусовой молитве, а показывает ее во взаимосвязи с церковной молитвой, благодаря чему разрушается иллюзия, будто умное делание исихастов – эзотерическая практика немногих избранных. На самом деле, Иисусова молитва – дело всех православных христиан.

Наибольшее впечатление производит центральная часть корпуса, посвященная греко-византийскому ареалу Традиции. Работа, проделанная А. Г. Дунаевым, занимает почти половину книги, хотя, как он сам отмечает в предисловии к своим разделам⁵, предложение С. С. Хоружего об их составлении было принято им после долгих раздумий. Свои колебания он объяснил, в частности, не вполне

² Указ. соч. С. 15.

³ *Хоружий С. С.* Человек и его три дальних удела: Новая антропология на базе древнего опыта // Вопросы философии. 2003. 1. 38-62.

⁴ Исихазм... С. 19.

⁵ Там же. С. 100.

определенным критерием отнесения той или иной аскетической литературы к собственно «исихастской», а также трудностями собирания и обработки нужного материала в современной России, препятствующими достижению полноты в научном описании всего многообразия литературы. К счастью, он согласился и подготовил материал, который на протяжении долгого времени будет служить как начинающим ученым, так и специалистам источником, позволяющим ориентироваться в зарубежных публикациях и русских переводах, посвященных как истокам формирования Традиции, так и вершинам исихастского опыта.

Раздел 3 (368 наимен.) примечателен тем, что помогает разобраться в разнообразной справочной и источниковедческой литературе по данному ареалу и приступить к основным разделам центральной части библиографического корпуса. Раздел 4 (1859 наимен.), уже своим названием («исихазм до исихазма») опровергающий долго бытовавшее мнение об исихазме только как паламизме, представляет истоки Традиции в египетском и палестинском уединенном монашестве IV–V вв. и в зрелом синайском исихазме более позднего периода. Следует отметить наличие специальных аннотаций к подразделам, посвященным конкретным подвижникам. Эти небольшие аннотации помогают преодолеть ощущение безликости, которое появляется при чтении одних библиографических описаний, что очень важно при изображении Традиция как явления личностного и духовного.

Раздел 5 (357 наимен.) с очень хорошими аннотациями к персональным подразделам составлен А. Н. Муравьевым и посвящен стоящему особняком (как по языковым, так и по типологическим признакам) от основного направления формирования истоков христианской аскезы – древнесирийскому исихазму. Эта относительная отдельность не отменяет его важности для формирования истинного знания мистико-аскетической практики периода зарождения и углубления Традиции.

Раздел 6, самый большой в книге (2373 наимен.), представляет поздневизантийский период, от мистики преп. Симеона Нового Богослова до падения Константинополя и Византии. Это – кульминационное время в жизни Традиции, поскольку именно период «исихастских споров» является центральной точкой в истории византийского исихазма. Именно в это время исихастская практика становится высокоорганизованной дисциплиной, направленной на преобразование человеческого существа синергийным действием его свободного произволения и Божественной энергии – благодати. Сегодня трудно вообразить, что в середине XIV в. эта мистическая традиция стала истинным стержнем существования нации, ведущим фактором не только религиозной, но и культурной, социальной, политико-государственной жизни. Поэтому естественно, что в данном разделе выше доля работ, относящихся не только непосредственно к исихастской аскезе, но и к жизни Традиции во всем комплексе ее социокультурных связей. В книге достаточно полно представлены не только защитники идей и опыта исихастской аскезы, выражающие святоотеческую позицию, но и ее критики – Варлаам, Акиндин, Никифор Григора. К сожалению, множество паламитских и антипаламитских произведений до сих пор не опубликованы; однако, как кажется, и указанных в библиографии сочинений достаточно для твердого принятия истин исихастского опыта, осознанию которого весьма помогла рационалистическая критика антипаламитов, которых следует поблагодарить также за то, что своей оппозицией они способствовали развитию богословия энергий.

В XVIII веке, после длительного упадка исихазма по причине падения Византии и турецкого владычества, начался период духовного возрождения

Традиции, которому посвящен раздел 7 (237 наимен.). В нем имеются два существенных подраздела, связанных воедино общими основными деятелями: это движение возрождения высших форм церковности – частого причащения, строгого монашества и умно-сердечной молитвы, получившее название «движение колливадов» (первый подраздел), и «филокалическое возрождение» (второй подраздел). Заслуга в том и другом начинании принадлежит митрополиту Макарию Коринфскому и его ученику преп. Никодиму Святогорцу. Данный раздел менее обширен, чем предыдущие, однако для восприятия современного состояния Традиции он даже более важен, поскольку «филокалическое возрождение» в Греции длится до сего дня.

Первым очагом оживления был Афон, чью роль в сохранении Традиции в течение многовекового периода деятельности монахов Святой Горы невозможно переоценить: афонское подвижничество всегда было и остается главным центром и очагом исихазма. Афону посвящен раздел 8 (493 наимен.). Именно в «монашеской республике» создается книга «Филокалия», фундаментальный компендий исихастских текстов. «Филокалия», или «Добротолюбие», – уникальный документ самосознания Традиции. Не случайно безвестный странник из «Откровенных рассказов» носит ее по России, говорит о ней со всеми и всюду. Этот сборник до сих пор обладает мощным духовным воздействием на любого, кто впервые читает его, он способен стать настольной книгой для того, кто стремится к правильной жизни в Боге. Такое воздействие служит наилучшим свидетельством определяющей роли исихазма в православном сознании. В некотором смысле рецензируемый труд можно назвать библиографическим «Добротолюбием», так как он дает возможность встретиться с теми или иными подвижниками в разных странах и в разное время, но в пространстве единой Традиции. К сожалению, в таком обширном издании не оказалось предметного указателя, который мог бы помочь связать духовный опыт разных подвижников с исихастским богословием в целом.

Характерно, что в то же самое время, когда создавалась греческая «Филокалия», преп. Паисий Величковский и его ученики вели работу над таким же аскетическим сборником в румыно-славянском ареале; и почти одновременно появляются «Добротолюбие» греческое (1782, Венеция) и славянское (1793, Москва). Следует заметить, что славянское «Добротолюбие» определило судьбу румынского исихазма (раздел 13, 442 наимен.), поэтому не случайно, что именно румынский ученый Д. Замфиреску назвал эту книгу библией православного аскетизма. Румынский исихазм также именуют паисианизмом, потому что именно с деятельности преп. Паисия, сочетавшего исихастский подвиг с переводом исихастской литературы, начинается настоящее возрождение Традиции в Румынии. Поскольку среди учеников Паисия были болгары, русские, румыны и сербы, можно говорить об аскетическом возрождении во всем славянском мире, хотя это возрождение и не достигает той масштабности проявлений, которую исихастское возрождение демонстрирует в Византии XIII–XIV вв.

Рождение так называемых аскетико-филологических школ (первой из которых была «Тырновская литературная школа» в Болгарии XIV в.), связывающих аскетическую практику с переводом исихастских текстов, становится центральным явлением для ряда поместных ветвей Традиции. Переводы, сделанные самими аскетами, являются в первую очередь фактами жизни данной ветви Традиции, и только во вторую очередь – фактами истории соответствующих египетских или византийских памятников. Можно сказать, что без подобных переводов трансляция Традиции в новый этап ее бытия в принципе невозможна. Сведения о том, какие именно памятники аскетической литературы переводились и

усваивались в той или иной ветви исихазма, существенно характеризуют ее типологию, ее облик. Польза переводов состоит и в том, что духовный опыт монашества становится доступен и миру, оказывая влияние на разные сферы бытия общества. Роль «Добротолубия» в связывании светской и аскетической культур, научного и аскетического дискурсов – несомненна; при этом множество его переводов на разные языки демонстрирует разнообразие сочетаний указанных дискурсов: от чисто аскетического славянского «Добротолубия» св. Паисия до современного чисто научного англоязычного «Добротолубия», выпущенного еп. Каллистом (Уэром) и др. Промежуточный характер имеют русское «Добротолубие» еп. Феофана Затворника и румынское «Добротолубие» о. Думитру Станолаэ. Для более наглядного восприятия Традиции материалы по славянскому, русскому и румынскому «Добротолубию» в рецензируемой библиографии размещены в соответствующих «поместных» разделах (и следует сказать, что без такого решения Румынский раздел мог бы вообще лишиться самостоятельного места в книге).

Завершающая часть свода аскетической литературы состоит из двух русских разделов (раздел **9** – русский исихазм в целом, и раздел **10** – имяславие), болгарского (раздел **11**, 312 намен.), сербского (раздел **12**, 298 намен.) и грузинского (раздел **14**, 361 намен.). Этот материал дополняет представление о развитии исихастского опыта во времени и пространстве.

Основу болгарского раздела составляют источники и исследования о Тырновской литературной школе XIV в. – вершине болгарской исихастской мысли. Отдельного разговора заслуживает сербский исихазм. Его роль в выработке рецепции православной аскезы и паламитского богословия столь же велика, как и деятельность философов и богословов русской диаспоры и современных греческих богословов. К сожалению, по сравнению с другими поместными ветвями Традиции он представлен недостаточно разнообразно – даже если учесть, что многие относящиеся сюда работы были размещены в первом и шестом разделах библиографии, остается ощущение неполноты при восприятии сербского аскетического опыта. Можно также отметить, что в болгарском разделе, в отступление от общего принципа издания, не выделены персональные библиографии ведущих подвижников. Это заслуживает сожаления, поскольку история болгарского исихазма включает такие крупнейшие фигуры, как преподобные Иоанн Рыльский и Феодосий Тырновский, свт. Евфимий Тырновский, и сгруппировать богатую литературу о них в отдельные подразделы было бы весьма желательно.

Думается, не так уж много читателей знают что-либо о феномене «грузинского исихазма»; наверное, одно из важных открытий данной книги состоит в его представлении широкой аудитории.

Исихазм в России, безусловно, выделяется среди других поместных ветвей, как масштабами, так и своим несомненным творческим характером: способностью к рождению новых черт, новых явлений, при сохранении строгой верности существу Традиции. Важнейшим из таких явлений духовного творчества служит старчество, которое связывает между собой уединенность монашеской жизни с духовными запросами мирян. «В русском старчестве исконная открытость русского исихазма навстречу окружающему христианскому миру раскрывается как “кенотическое” стремление к жертвенной отдаче себя, как неисчерпаемая готовность не “оказать социальную помощь”, а, принимая в общение любви, приобщать к исихастской жизни в Боге всякого, кто

рядом и страждет»⁶. Однако нельзя не согласиться с С. С. Хоружим в том, что труды и обретения православного разума, сыгравшие решающую роль в исихастских спорах, в России, по большому счету, не были ни продолжены, ни даже попросту усвоены, хотя имяславские споры открывали такую возможность. Будем надеяться, что данная библиография поможет формированию подлинно исихастского богословия в России и подготовит условия для богословски комментированных и научных изданий «Автобиографии» Паисия Величковского, «Бесед о цели христианской жизни» Серафима Саровского, и «Откровенных рассказов странника своему отцу».

В заключение следует подчеркнуть, что рецензируемая нами книга имеет дело не с умершим явлением, которое интересно лишь с исторической точки зрения, но с действующим феноменом, многообразно свидетельствующим о своей жизнеспособности. Традиция продолжает жить. Сохраняет центральную роль духовного совершенствования Афон, в разных православных странах оживают старые и возникают новые очаги, где подвижники стремятся проходить путь «умного делания». И цель издаваемой библиографии состоит не только в том, чтобы принести пользу науке, но и в намерении полноправно войти в пространство подвижнической жизни и служить ей целостным представлением самой Традиции. Полный свод литературы Традиции выводит исихастский феномен за пределы узкого круга специалистов и делает его открытым для всех тех, кто ищет новые пути понимания потенциалов человеческого сознания. Расширению круга тех, кто может с интересом и пользой обратиться к книге, весьма содействуют и сопроводительные статьи к разделам, которые в совокупности образуют самый основательный коллективный обзор исихастской литературы в ее развитии и ее значении. Не менее важно и то, что книга помогает включить исихастское мышление, разрабатываемое преимущественно монахами, в пространство повседневной жизни мирян, ищущих подлинного бытия. Сегодня, как никогда, для того, чтобы быть исихастом, не требуется внешнее удаление из мира, а требуется решимость осуществления внутреннего умно-сердечного делания в том месте, где предстоишь Богу. Фотография деревянной иконы смиренного Нила Столобенского на обложке книги символизирует собой дверь, которая приглашает внимательного читателя открыть богатый мир аскетической литературы и научных исследований о духовном опыте. Надо тихо войти, начать читать, думать, молиться и уступить себя благодатным действиям Бога.

Выход из печати рецензируемой книги, основная ценность которой состоит в том, что она представляет исихазм как целостный феномен в его конкретности, знаменует собой конец прежней и начало новой эпохи восприятия и исследования этого важнейшего духовного явления. Следует отметить, что в конце июля 2004 года прошла ее успешная презентация на «Неделе православной книги» в болгарском городе Варна.

С. Н. Скоков

⁶ Исихазм... С. 552.